

Прагматика текстов политического дискурса

Сегодня наша страна находится на переломном этапе. Политический процесс приобретает в ней все большую публичность. От современного политика требуется не только принять какое-либо решение, выдвинуть программу, но и донести свои идеи до избирателя, понравиться ему. Особенно актуальной эта проблема становится в период выборов, когда вопрос об “успешности” или “неуспешности” политических коммуникаций находит материальное выражение в голосах, отданных за того или иного деятеля. Учет особенностей политического восприятия как такового во многом определяет шансы политика.

Значительное влияние на взаимоотношения политика и избирателя оказывает их опосредованность. Граждане имеют дело не с реальным политиком, а с некоей “виртуальной реальностью” — внешней стороной проявления его личности, т.е. с его *публичным образом*.

*“CORPORATIVE POLLUTERS
ATE MY BRAIN
GREENPEACE”*

Как показывает опыт последних лет, голосование за кандидата далеко не всегда определяется присутствием в его образе отдельных характеристик, даже если на рациональном уровне они оцениваются в качестве присущих идеальному лидеру. В большинстве случаев образы политиков состоят из взаимоисключающих на первый взгляд, компонентов: привлекательные характеристики смешаны с непривлекательными [2]. Кроме того, при формировании таких образов существенную роль играют сообщения, восприятие которых происходит на бессознательном уровне [5].

Барьеры восприятия публичного образа политика бывают связаны с личностными особенностями самого политика, с его имиджем, с каналами передачи и спецификой аудиторий, а также с влиянием каких-либо неожиданных

событий, ситуаций, действий других лиц и т.д.

Прогностические ожидания - то, что включается в текст судьбы, соответствующим образом редактируется. Так, большая часть событий должна развивать тему "успеха" —изначального благополучия либо преодоленной трудности. Если же в реальной жизни нашего Автора/Героя присутствуют разнообразные "неуспехи", то они или не проникают в "текст судьбы" вообще, или инкорпорируются в тему "успеха" в качестве мифологемы "препятствия" — победно преодоленного либо мотивировавшего ряд последующих состояний. Перед нами, таким образом, возникает один из следующих сюжетов.

Нейтральный ("нулевой") сюжет: родился тогда-то, русский, несудимый, закончил (с успехом!) такое-то учебное заведение, руководил тем-то, женат, столько-то детей, пользуется уважением коллег... данный сюжет лишен драматизма и практически не является сообщением. Формально в нем, конечно, сообщается, что Герой — достойный человек, но в рамках конвенции описания "политической судьбы" другого и быть не могло. И информация должна быть сочтена тривиальной. Нарушение такой конвенции (мать русская, отец юрист) воспринимается так же, как нарушение конвенции литературной: это эффектный, шокирующий и вызывающий смех прием, который запоминается надолго, становится предметом цитирования и успешно выделяет прибегнувшего к нему Автора из ряда прочих [7].

Борец за счастье людское, Робин Гуд, Гриша Добросклонов: *с малых лет мечтал он, чтобы все люди были счастливы, его ранила любая несправедливость; рано познал он нужду (горе, упорный труд, радость дружбы, счастье быть полезным) и т.п.* Подобный сюжет строится на взаимодействии таких протагонистов, как сам борец, "злодей", несправедным путем заполучившие благополучие, и "обездоленные" у которых это благополучие было похищено "злодеями". Соответственно, предполагается и "магический объект", своего рода яблоки Гесперид, коими являются богатство, материальные ценности. Как и принято в мифологии, "яблоками" можно обладать "по праву" или завладеть путем

магического “воровства” (замечу, что за всем этим стоит сюжетобразующая концепция конечного набора богатств во Вселенной: если у кого-то прибыло, значит, у кого-то убыло) [1].

В следующем блоке биографических сюжетов, помимо протагонистов людей, действует и участник иной, нечеловеческой природы.

Человек судьбы — это биографический сюжет, составленный из событий, объединенных под знаком случая. В отличие от персонажа сюжета нейтрального, являющегося, в сущности, фигурой умолчания, *человек судьбы* — Герой, жизнь которого небезразлична для (не будем углубляться в теологию) нечеловеческих властных структур. Большая часть предьявляемых публике событий его бытия расценивается как ряд нездешних вмешательств. При этом истинный *человек судьбы* — не простодушный объект или игрушка иных сил; нет, он знает об их повышенном внимании к своей персоне, он угадывает их волю, ищет знамения. Послушание — главная добродетель такого персонажа, своеволие — основной порок. Античные образцы стоят за его спиной. За послушание, за внимание к знакам судьбы получает награду Эней, за своеволие и пренебрежение знаменами расплачивается столь много сделавший для современного психоанализа Эдип.

Человек судьбы занят по сюжету тем, что “читает знаки”, причем читает молча, не сообщая никому о вычитанном, а лишь подчиняясь иным велениям, так что другим остается почтительно догадываться о руководящей им высшей воле, — если они, конечно, тоже не лыком щиты и ощущают сакральность деяний своего правителя; в противном случае они — профаны, глупо жаждущие пояснений, возмущающиеся и удивляющиеся; судьба и “ее человек” еще спросят с них по всей строгости за их нелепый поиск логики в поступках правителя. Вознесение его внешне “несправедливо”, случайно. На вид он ничем не лучше многих, но судьба избрала именно его [цит. по 4].

В отличие от *человека судьбы*, **победитель судьбы** знаков не читает — в основном потому, что пренебрегает ими. Основные качества победителя — упрямство и негибкость. Злой рок не сломит его, и вопреки высшим козням он

повернет в воздухе самолет, который должен был доставить его на место предсказанного поражения, и приземлится — под рукоплескания посвященных и изумленные клики профанов — на том аэродроме, до которого не добраться злему року. Если у *человека судьбы* истинных препятствий почти нет, все, что можно расценить как препятствие, — лишь особые знаки (исключение составляет только противодействие профанов, но стоит ли с ним считаться?), то *победитель* призван преодолевать два типа препятствий: во-первых, непосредственно злой рок, который либо добреет, почувствовав непреклонную волю равного себе противника, либо наносит последний, чудовищный по своей несправедливости удар, делая бывшего победителя легендарным и снимая с него ответственность за собственноручно загубленную политическую карьеру; и во-вторых, козни, своего политического соперника, *царя-мага*. В этом случае губительный удар судьбы наносится не сам по себе, а с помощью использования магических предметов (восковых фигурок, “Кукол” или других телемарионеток) [3].

По своим атрибутам соперник *победителя судьбы*, *царь-маг* — обладатель волшебного кристалла, повелитель полчищ послушных духов, манипулятор фигурками — почти идентичен человеку судьбы, отличаясь от последнего лишь несколькими дифференциальными признаками:

— оба персонажа таинственны, но если загадочность *человека судьбы* мотивирована тем, что профанам не понять (да и не следует понимать) истинный смысл поступков лидера, то зловещая энигматичность *царя-мага* обусловлена несправедностью, а зачастую и чудовищностью его поступков, средств и тем более целей;

— оба вследствие своей загадочности не стремятся к публичности, но *человек судьбы* ею просто пренебрегает, тогда как *царю-магу* публичность грозит разоблачением и потерей магических умений.

— оба ”читают знаки”, при этом один мудр, другой — хитер (*человек судьбы* убеждается по полученным предзнаменованиям в истинности своего курса, а *царь-маг*, чей путь заведомо своеволен и несправедлив, извлекает из ”знаков”

предупреждения и дальше выкручивается магическим, нечестным способом);

— оба не одиноки (но если за *человеком судьбы* стоят ряды близких по духу соратников-избранников, которым открылась исключительность лидера, и легионы добрых фей, волшебных помощников, хранителей, которые помогут, прикроют, защитят, причем жертвенно и добровольно, то за магом — тьма рабов и обманутых, а также всяческая нежить, магически защищающая его — но лишь до поры);

— оба отмечены “нездешностью”, обособлены благодаря принадлежности к “иному племени” (в этом отношении Лубянка и “пятый пункт” не просто эквивалентны, но значительно украшают общую мифологическую картинку древнейшими аналогиями с последней схваткой представителей двух вечно враждебных сфер: дэвов и асуров, богов и титанов и т.д.).

Легко убедиться, что различие между *человеком судьбы* и *царем-магом* чисто оценочное: *если бы победил Я, Его деяния считались бы злыми*. Вопрос в том, кто дает эту оценку. Надо думать в политическом дискурсе дело обстоит так же, как в художественном тексте. Оценка — дело двоих: автора и читателя, причем автор навязывает читателю собственные представления о добре и зле с помощью различных художественных средств, а тот принимает их за свои₁ и его иллюзия тем ярче, чем талантливее автор [4; 6; 9].

Пределльно ясно, что в традиции политическом дискурса читателем текста выступает электорат. Замечу, что избиратели покупают всю книжку целиком — с главными, второстепенными и вовсе эпизодическими персонажами, с героями запоминающимися и бледными, едва прописанными, с батальными и любовными эпизодами, вставными новеллами и пр. Гораздо менее очевидно, кто здесь автор. Сами лидеры? до некоторой степени это так: каждый из них сочиняет себя сам (или с соавторами, что не принципиально). Однако сочиняет каждый — *себя*, а общий замысел. *Текст* в целом неподвластен, кажется, ни одной группе пиаровцев: в существование тайного заговора мудрецов, на мой взгляд, не следует верить по методологическим соображениям. Перед нами, скорее, нечто вроде

буриме, когда каждый из участников игры пишет по строчке, не зная, что напишут другие, и не имея представления о том тексте, который получится в результате.

Поэтому мне представляется плодотворным, не фиксируясь на гипотезах об истинном Авторе (Бог, Провидение, мировой исторический закон, коллективное бессознательное), подойти к ситуации с позиций рецептивной школы поэтики: текст — это проекция личности читателя. Именно читатель, поддаваясь давлению и манипуляциям автора (авторов-игроков в буриме в нашем случае), выставляет оценки, решая, как охарактеризовать того или иного лидера: назвать ли его мудрым — или хитрым, честным и открытым — или простофилей, упорным — или "упертым". Серьезное, если не определяющее влияние на такую оценку оказывает то, к какому клану — "своих" либо "чужих" — причисляет избиратель (читатель) данного лидера.

Видимо, гораздо значительнее, чем возраст, социальный статус, национальность и даже убеждения, на выбор влияет та *картина мира*, которая представляется избирателю истинной.

Так, если человек живет в "плоском", рациональном, логически детерминированном мире, мире французских просветителей и русских социал-демократов начала XX в., то выбор "своих" для него ограничен двумя моделями.

Для части носителей такой картины мира "своим" окажется "Гриша Д., *борец за счастье народное*", за права угнетенных. У него нет иных врагов, чем *богатеи и кровопийцы, жирующие в то время, как простой народ...* и т.п. Реально модель "Гриша Д." описывает нескольких политических персонажей: с кровопийцами готовы побороться и Симоненко, и Тимошенко, но в модификации Симоненко используется картина мира, где слабый, инфантильный, беспомощный *простой народ* тянет руки к сильному заступнику, тогда как в модификации Тимошенко и прочих политических лидеров "правого" сектора народным рукам находится иное применение: *возьмемся за руки, друзья*. Следует сказать, что использование формулы "*вместе мы сильны*" не способствует электоральному успеху,

поскольку утверждения подобного рода всегда имплицитно отсылают к логическому эквиваленту тезиса: *каждый из нас в отдельности, включая самого лидера, слаб.*

Для другой части “рационалистов” актуальной модификацией модели “*Гриша Д., борец за счастье*” мог бы стать защитник собственно “*жирующих*” от голодных и нищих, которые смеют что-то хотеть. Однако в нынешней ситуации — скорее культурной, чем политической — имеется, видимо, слишком мало людей, столь богатых и одновременно рефлектирующих, чтобы не только причислить себя к “*жирующим*”, а не к нищим, но и выдвинуть своего лидера [8].

Второй тип картины мира предполагает наличие “иных сил”, судьбы, божественного Провидения и пр. Для носителя этих представлений всевозможные “вдруг” случайности, стечения обстоятельств полны глубокого смысла, являются “знаками”. Распределение в выборе “своих” здесь таково.

Борца с судьбой сочтет “своим” тот избиратель, картина мира которого допускает вмешательство “иных сил”, но лишена фатализма. “Иные силы” здесь не так уж сильны и вряд ли обладают волей и этическими позициями. “Свой” лидер, безусловно, живет в мире людей и политических интересов, однако, хотя в системе его представлений *Человек* пишется с *большой буквы* и *звучит гордо*, он достаточно мудр, чтобы учитывать не только человеческие воздействия на ситуацию. Когда *борец с судьбой* сталкивается с противостоящими ему случайностями и с течениями обстоятельств, он вступает с ними в борьбу, и исход этой трудной борьбы отнюдь не предрешен: *будет буря — мы поспорим, и поборемся мы с ней.* Потенциальный избиратель *борца с судьбой* понимает, что кроме козней идеологических противников его лидеру предстоит преодолеть сопротивление тех сил, которые лингвистически репрезентированы абстрактными и собирательными существительными: *разруха, неэффективная экономика, преступность, низкий уровень жизни,* — поистине “судьбоносная” задача, поскольку за подобными напастями стоит не непонимание или злая воля конкретной группы личностей, а некое исторически-сложившееся злосчастье.

Не таков мир в представлении избирателя, видящего своим героем *человека судьбы* или *царя-мага*. Электорат обоих типов лидеров знает, что событиями в мире управляют не люди, а *силы*. Разница лишь в том, что избиратели (читатели, болельщики) *человека судьбы* предполагают, что “злые силы” онтологически слабее “добрых” а себя без какой-либо самоиронии причисляют к “доброй” части человечества, сочувствующей Благу. В противовес им, *царя-мага* считают своим заступником те, в чьей картине мира силы добра слабы и уже не раз успели доказать свою несостоятельность.

Легко видеть, что за истекшее десятилетие электоральное большинство совершило определенную эволюцию, сопровождавшуюся последовательной сменой моделей мира и, следовательно, желаемого лидера. Если в начале 1990-х годов казалось, что для достижения всеобщего благополучия следует лишь отменить бессмысленные, неразумные запреты, ввести умные законы, побороть сопротивление партийной номенклатуры — и все изменится к лучшему, то затем возникла убежденность, что кроме очевидных препятствий — злодейств и глупости прежних хозяев жизни — существуют препятствия неизвестного свойства; наконец, к концу века Украина уже воспринималась как “заколдованное место”, игрище сил в большинстве своем темных: ее раздирают на части такие демоны, как *мафия*, *бюрократия*, *олигархи* и т.п. Соответственно, с ситуацией в начале десятилетия могли справиться “все мы” под предводительством “одного из нас”, позже ожидания были перенесены на “сильного политика”, окруженного командой квалифицированных экономистов — специалистов по борьбе с демонами инфляции и нищеты, но когда один из демонов был в целом побежден, а другому от этого ничего не сделалось, стало ясно, что без чудес и магии просто не обойтись. Рубрика “если бы директором был я”, столь популярная в конце 1980-х годов (изменить часы работы паспортных столов, упаковывать хлеб в полиэтилен прямо на фабрике), приобрела бы крайне странные формы, сохранись она в наши дни. (Как победить преступность в милиции? Видимо, молиться или вырвать три волоска из бороды, а значит, следует искать таком лидера, который

угоден «Там» или чья борода годится для подобного мероприятия.)

Итак, политические лидеры исполняют одновременно роль и героев, и авторов, и читателей, тогда как остальной электорат — читатели “без права голоса”

Список литературы

1. Буданцев Ю. П. Очерки ноо — коммуникологии: Мас. коммуникация в ноосфере. — М.: Изд — во МНЭПУ, 1995. — 178с.
2. Лебедь А. Н., Боковиков А. К. Экспериментальная психология в российской рекламе. — М.: Издательский центр “Академия”, 1995. — С.27 — 40.
3. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам XII. Структура и семиотика художественного текста. —Тарту, 1981. — Вып. 515. —С.3 —7.
4. Музыкант В.Л. Теория и практика современной рекламы. Часть 1 / Монография. — М.: Евразийский регион, 1998. — 400с.
5. Юнг К.Г. фон Франц М.Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы / под общ. ред. С.Н. Сиренко. — М.: Серебряные нити, 1997. — 368с.
6. Althusser L. Reading Capital. — New Left Books, 1970. — P.16.
7. Attebery V. The fantasy tradition in American Literature. — Bloomington, 1980. — P. 37.
8. Barthes R. Mythologies. —Paladin, 1973. —P.51.
9. The Archeology of Contextual Meaning / Ed.:/ Hodder. - Cambridge: Cambridge University Press, 1987. — 144 p.